
ПИСЬМЕНА ВРЕМЕНИ

УДК 130.2, 2–1

DOI 10.31249/hoc/2020.01.12

Перельштейн Р.М.®

В СТОРОНУ ПОМЕРАНЦА И МИРКИНОЙ. О ТРЕХ ЭТАПАХ ДУХОВНОГО ПУТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу духовного наследия философа Г.С. Померанца и поэта З.А. Миркиной. Исследуется эволюция духовного пути как такового, его этапы, специфика этих этапов. Не всегда один этап сменяется другим. Случается так, что тот или иной этап оформляется в отдельный путь. Первый из этих путей есть «улавливание мудрости на лету». Второй путь представляет собою попытку свести истину к системе. Как этап духовного становления *второй путь* продуктивен, как результат – сомнителен. В своей совместной книге «Великие религии мира» Померанц и Миркина затрагивают эту чрезвычайно актуальную проблематику.

Ключевые слова: духовный путь; дзен, христианство; недвойственность; мистицизм.

Perelshtein R.M.

In the direction of Pomerants and Mirkina. About the three stages of the spiritual path

Abstract. The article is devoted to the analysis of spiritual heritage of philosopher G.S. Pomerants and poet Z.A. Mirkina. We study the evolution

of the spiritual path as such, its stages, the specifics of these stages. One stage is not always replaced by another. It happens that any stage is formed in a separate path. The first of these paths is «grasping wisdom on the fly». The second way is an attempt to reduce the truth to the system. As a stage of spiritual development, *the second way* is productive, and as a result it is doubtful. In their joint book «the Great religions of the world» Pomerants and Mirkina touch upon this extremely topical issue.

Keywords: spiritual journey; Zen, Christianity; nonduality; mysticism.

«Слово – только намек на истину, лежащую по ту сторону слов...» [9, с. 148]. Мысль эта для Григория Померанца и Зинаиды Миркиной заветная. Она проходит красной нитью через их совместную книгу «Великие религии мира». Наши мудрецы, именно так я буду их называть, предлагают представителям всех вероисповеданий встретиться в сердце Бога. А это такое место, где нет ничего кроме любви.

Слово евангелист Иоанн уподобляет Богу. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1). Но тогда что же такое *слова*? Те слова, что лишь намекают на истину. Я бы сравнил их со строительными лесами. После того как постройка возведена и фасад оштукатурен, каменщики разбирают леса. Конечно, не нужно понимать сказанное буквально. Никому не придет в голову менять порядок слов в молитве или существенно реформировать ее. Но слова, когда они перестают рождаться в сердце, начинают умирать и, как сказал поэт: «дурно пахнуть».

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы, в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

[3, с. 312]

«Слово было Бог». И вот Бога, как некую скалу мы окружаем своим пониманием. Мы оплетаем Его паутиной прогибающихся мостков,

188

разборных стоек и шатких перил, забыв, что это скала, а не дело наших рук. Если бы скала, оплетенная строительными лесами слов, исчезла, хотя, конечно, это невозможно, то остались бы только многоэтажные и хрупкие конструкции нашего ума.

Философ Чжуан-цзы хотел поговорить с человеком, который бы забыл все слова. Умение забывать – род духовной практики. Если ты не научился забывать о себе в любви, ты превратишься в чудовище. Страшна не смерть, а то, какой ты себе ее представляешь, делая всевозможные предположения. Иногда не делать предположений – это значит молиться, молиться без слов. Бог все устроит. Он знает, что нам надо. Он знает нашу выгоду и видит далеко вперед. А предположения питаются рыбьим кормом нашего крайне ограниченного опыта.

У норвежского поэта Ханса Бёрли, которого Зинаида Александровна открыла для себя в последний год жизни, есть такие строки:

Нам не прочесть письма елей.
И хорошо, ведь сердца понимают
лишь неизъяснимое.

[2, с. 696]

Или вот еще из него же:

Шум в лесу – это мысль
того разума, что освободился
от своего облика
и странствует, незримый,
среди звезд.

[2, с. 691]

Такое развитие получает у Бёрли тема «Слово – только намек на истину, лежащую по ту сторону слов». Мейстер Экхарт заметил: «Бог не так создал небо и землю, как мы говорим об этом по человечеству языком преходящего, но все создания извечно высказаны в первом слове» [19, с. 60]. А ведь и правда, невозможно понять, как Бог создал небо и землю, если использовать в качестве инструмента понимания «преходящие» слова, временные шаткие конструкции. Но можем ли мы совсем отказаться от слов? Мы не знаем как «звезда с звездой говорит», но указать на эту тайну нам помогают пусть и несовершенные, но все-таки слова.

Журналист и телеведущий Владимир Познер задает гостям своей передачи программный вопрос: «Оказавшись перед Богом, что вы ему скажете?» Суфий Руми ответил бы журналисту так: «Любящие нигде друг друга не встречают. Они друг в друге всегда» [12, с. 53]. Познер задал вопрос, на который невозможно ответить. Любой ответ, в котором будут задействованы морфемы и лексемы, станет ложью. Но вот же Руми ответил, и ответил словами.

Умирая, мастер дзен позвал своего любимого ученика и вручил ему манускрипт. «Эта книга, – сказал он, – передавалась от мастера к мастеру на протяжении семи поколений. Я тоже сделал в ней несколько записей. Теперь она твоя». Ученик взял сокровищницу мудрости и, не мешкая, бросил в огонь. «Ты сошел с ума! Что ты делаешь?» – закричал учитель. «Это ты сошел с ума! Что ты говоришь?» – ответил тот [20].

Согласно дзен-буддийской традиции мгновенное пробуждение содержится не в книгах, а передается прямым путем от учителя к ученику. Вот почему сутры, эта квинтэссенция знаний, отправляется в огонь.

Один из адресатов Миркиной, белорусский литератор Максим Орлов (потом он стал и моим другом), задал мне вопрос, что я думаю об учении Будды и философской системе, которую это учение породило? Я ответил: «Максим, если вы проснулись сегодня утром и решили реализовать свою природу Будды, вам не нужно ничего, кроме вас самого и того утра, в которое вы проснулись». Орлов был в восторге. Честно говоря, большего я и сам не знал. Просто не стал умничать. Когда чего-нибудь не знаешь, легко сойти за мудреца.

Но все-таки что-то нам известно. И нет лучшего путеводителя по мировым религиям, чем книга Померанца и Миркиной.

Когда индийский буддизм Махаяны попал на китайскую почву, он соединился с даосизмом. На стыке двух духовных учений буддизма и даосизма возникло третье – чань-буддизм. Учение распространилось за пределы Китая и, достигнув в XII в. берегов Японии, оформилось в школу мистического созерцания, именуемую дзен.

Британский философ и писатель Алан Уотс в своей знаменитой работе «Путь Дзен» предложил довольно трезвый подход к восприятию дзен-буддизма. Это было сделано в середине XX в., но не утратило своей актуальности и сегодня. Уотс писал: «Я не сторонник “им-

порта” дзен с Дальнего Востока, поскольку он тесно связан с культурными институтами, которые для нас нехарактерны. Однако, безусловно, в нем есть вещи, которым мы можем обучиться...» [14, с. 10]. И таких *вещей*, добавлю я, становится все больше и больше.

Чему учит дзен? Не подменять простые вопросы, требующие ответа, сложными вопросами, которые развлекают ум. Простой вопрос – быстрое решение, вот и весь дзен. Сложный вопрос предполагает большей частью отвлеченный ответ. Вспомним еще одну дзенскую притчу.

«Однажды ученик спросил у мастера дзен Ма-цзы:

– Вода не имеет костей, но она легко держит корабль весом в тысячи тонн. Как это может быть?

– Здесь нет воды и нет корабля – что я должен объяснять? – спросил Ма-цзы» [4, с. 227].

Досужее, а порою и недоброе любопытство, которое отвлекает душу или рассеивает внимание, не стоит поощрять. «Отдых закончен, иди и накопи дров». Мастер мог бы ответить и так. Дзенцы не доверяют спекулятивной философии, которая пытается создать параллельную умозрительную реальность. Безусловно, это тоже метод, и весьма эффективный для постижения мира, но, становящийся непригодным там, где граница между *миром* и *мною* исчезает. Спекулятивную философию я бы уподобил зеркальному щиту Персея, в котором отражается горгонообразный мир, но можно смотреть на мир и не пользуясь зеркалом, если ты не собираешься рубить Медузе голову. Может быть, в камень тебя превращает не взгляд Медузы, а твой страх перед Непостижимым? Медуза горгона – хтоническая сила, которую христианская традиция демонизирует, и часто весьма справедливо. Но с дальнейшими выводами не всегда можно согласиться.

У Зинаиды Миркиной есть такое стихотворение.

Не думай с дьяволом сразиться.
Душа, уйми свою отвагу.
Сумей лишь только затаиться
И из себя самой – ни шагу.

И змей окажется не змеем,
Коль голову ему не рубят.

Но нету ничего труднее,
Чем не выныривать из глуби.

[6, с. 62]

Дзен старается не выныривать из глуби, практикуя принцип недеяния, что равносильно следованию целостному потоку жизни.

Любимый ученик дзенского мастера бросает великие изречения в огонь, чтобы не нарушать ритм океанического дыхания: вдох – выдох, вдох – выдох. Нельзя быть просветленным дольше, чем на один вдох. Но за этим вдохом последует новый. Нельзя накопить дух. Дзенский ученик знает евангельскую заповедь: «Блаженны нище духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). А может быть, и не знает. Это не имеет значения. Заповеди написаны, по выражению апостола Павла, не чернилами, но «Духом Бога живого» и «не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3:3–6). Осталось только добавить, что написаны они не словами.

Невозможно забыть признание Померанца: «Я сделал только два-три шага в глубину. Этого совершенно недостаточно для нашего спасения. Это чуть больше нуля. Но это действительные, а не воображаемые шаги, и они не потеряют смысла, даже если переменить все слова» [11, с. 55].

Жизнь старца Силуана как-то по-особому отпечаталась в душе Зинаиды Александровны. Она вспоминала старца, ссылаясь на него, а если цитировала, то всегда по памяти. Как-то припомнилось ей удивительное место из книги архимандрита Софрония о Силуане. Там было сказано, что хотя афонские отшельники и не пишут книг, а только читают их, но если бы эти боговдохновенные книги пропали, то монахи написали бы новые. И Предание было бы восстановлено, хотя и не слово в слово.

Я думаю, что любимый ученик дзенского мудреца не мог бросить в огонь книгу, которая на протяжении семи поколений передавалась от мастера к мастеру, но символический смысл этого жеста вполне понятен и отвечает духу мистического учения. Вот почему христианский подвижник так легко допустил, что святые книги могли бы и исчезнуть. Учение не в книгах и не в словах, а в – сердцах и делах людей. В этом смысле нет непреодолимой пропасти между христианством и буддизмом, между православием и дзен. Как сказали бы Поме-

ранц и Миркина, не надо искать непримиримого противоречия там, где в тупик заводит привязанность к словам.

Индийскому учителю Пападжи принадлежит следующее изречение: «Там, где двое, всегда присутствует страх расставания» [15, с. 14–15]. А Христос сказал: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). И вот на скрещении двух лучей – индийского учения о недвойственности и евангельского благовестия вспыхивает новая искра мудрости: если нас соединит Христос, мы не расстанемся. Неоткуда взяться страху расставания там, где двое уже не двое. Неоткуда взяться страху расставания там, где двое уже не двое, и даже не – один: я умер, жив во мне Христос, как скажет апостол Павел [9]. То есть умерло «я», умерло *это*. Померанц об этом напишет так: «Выражение Царство Божие внутри нас не противоречит призыву священных писаний индуизма искать ответ в собственном сердце. В брахманской традиции никакого Царства Божия не было, а был просто выход за рамки двойственности, приход к сознанию недвойственности Бога и человека...» [10]. Разовьем высказывание Пападжи. Там, где двое – Бог и человек, всегда присутствует страх расставания. Совершенная любовь изгоняет страх именно потому, что уже нет двоих. Им просто неоткуда взяться. «Я и Отец – одно» (Ин. 10:30), – говорит Христос.

Книга о Муджи – современном мастере традиции Адвайты – начинается словами: «В Индии есть поговорка: “Если тебе в ногу вонзился шип, возьми другой и удали с его помощью первый, а затем – выбрось оба”» [8, с. 17]. В одной поговорке все учение. Индийцы сравнивают невежество с острым шипом, который засел в нашей ступне. Чтобы вынуть занозу, потребуется второй шип, не менее острый. Его для простоты я назову *универсальной концепцией бытия*. Но когда концепция сделает свое дело, от нее нужно избавиться. Для чего носить с собою два шипа – шип невежества и шип знания? Нужно их выбросить. Может быть, даже предать огню, как это сделал ученик дзенского мастера. Ни то ни другое не должно нам мешать при ходьбе. Индийские и дальневосточные учителя понимают лучше, чем кто бы то ни было, что слово или концепция – только намек на истину, лежащую по ту сторону концепций и слов.

Вот одна из самых известных притч о дзен, автором которой является живший в VIII в. мастер Циньюань. Померанц и Миркина приво-

дят ее в своей книге «Великие религии мира». «Прежде чем человек изучил дзен, горы были для него горами и воды водами. Потом, когда он взглянул в истину дзен, горы стали не горы и воды не воды. Но когда он действительно достиг обители покоя, горы снова стали горами и воды водами» [9, с. 153]. А вот комментарий наших мудрецов к этой притче. Я полностью приведу его:

«Первая ступень – это “омраченное сознание”, наивный реализм: все, что можно пощупать, реально. Реален распад целого на отдельные предметы. Уровень частных, уровень обособления – это и есть вся реальность. Вторая ступень – погруженность в абстрактно Единое, Целое. Можно выразить это словами Парменида: только единое есть, многого не существует. Но абстракция Целого не есть подлинное знание. Взгляд в собственную природу дает почувствовать бесконечность в каждом цветке. (...)

Старая сосна проповедует мудрость
И дикая птица выкрикивает истину.

Во все века находились люди, которые улавливали эту мудрость на лету. Но их всегда немного. Груз установившихся приемов мысли очень тяжел, и дзен не удержался бы и не дошел бы до наших дней без методики разрушения стереотипов “омраченного сознания”» [9, с. 153].

Итак, Циньюань перечислил три этапа духовного пути. О них на языке индийского учения о недвойственности наш современник Руперт Спайра сказал так: путь невежества – «я есть что-то», путь исключения – «я есть ничто», путь включения «я есть это». Спайра утверждает, что эти три пути или стадии духовного пути – Обычная Двойственность, Просветленная Двойственность и Воплощенное Просветление – есть в каждой духовной традиции [13]. Соотнесем концепцию Руперта Спайры с индийской поговоркой. Заноза в ступне – Обычная Двойственность. Второй шип – Просветленная Двойственность или учение, помогающее избавиться от невежества. Готовность избавиться и от второго шипа – Воплощенное Просветление.

Путь невежества – «я есть что-то», это когда гора является горой, вода – водой, а я – не ведающим, что творю. Именно так и ведет себя мое концептуальное «я». Путь исключения – «я есть ничто», это когда

я узнал нечто, что меня перевернуло. Горы стали не горы, воды не воды, т.е. от концептуального меня осталось мокрое место. Путь включения – «я есть это» – означает, что горы снова стали горами, воды водами, а я – самим собой, включая мою способность мыслить или оперировать концепциями.

В состоянии Обычной Двойственности, и здесь мы снова вернемся к дзенской метафорике, человеческий ум уподобляется беспокойной поверхности воды. Мастер Шен Янь так говорит об этом: «Движения воды похожи на движения в наших умах. Наши умы движутся благодаря знаниям и опыту, который мы накопили. Потому что из-за них мы постоянно выносим суждения. Как вода в движении не может давать хорошего отражения, так и движущийся ум не может видеть ясно: то, что мы видим – или думаем, что видим – не реально» [16]. В этой метафоре присутствуют два компонента – зеркальная поверхность воды, находящаяся в движении, и – мир, который отражается в ненадежном зеркале. Вот откуда возникает «двойственность». Зеркало и мир – это *два*.

В состоянии Просветленной Двойственности наш ум уподобляется обычному зеркалу, «зеркалу на подставке», которое не так-то легко вывести из строя. Оно даже поддается полировке. Ну, а если запылится, его всегда можно протереть неким духовным усилием. Снова предоставим слово Шен Яню: «Однако Шестой Патриарх возразил против использования зеркала как примера. Он указал, что, если бы существовало зеркало, то был бы ум, и это был бы не дзен. Тем не менее мы используем зеркало для объяснения. Позже мы выбросим это зеркало» [16]. Индийцы выбрасывают второй шип. Как мы видим, в состоянии Просветленной Двойственности зеркало, существующее *само по себе*, все еще продолжает отражать мир, существующий *сам по себе*. Зеркало и мир – это опять *два*. Мы уже осознаем двойственность, но еще не в силах ее преодолеть. Просветленной Двойственностью это состояние называется еще и потому, что мир, оставшийся снаружи, не может затронуть меня, втянуть в свои дразги и склоки, в бесконечные выяснения отношений. Ведь для отношений нужны как минимум двое. *Второй* все еще остается, вот почему «двойственность», но он уже не может заставить меня ненавидеть его – вот почему «просветленная». В этом состоянии или на этом этапе пути мои оценки не категоричны или вовсе отсутствуют. Если встанет вопрос, нравится мне

что-то или нет, я всегда смогу поставить под вопрос самого себя. А кто тот, кому это нравится или нет? И не обнаружив его, на время успокоиться.

В состоянии Воплощенного Просветления и *зеркало*, и *мир* исчезают. Необходимость в разделении чего бы то ни было на противоположности отпадает. Уже нет ни первого шипа, ни второго. Нет ни невежества, ни знания. Шен Янь подводит итог: «Настоящее дзенское состояние не следует сравнивать со всеотражающим зеркалом. Всё существует без зеркала. В этом состоянии все видится очень ясно, но нет понятий “снаружи” или “внутри”, существует или не существует...» [17]. Именно в этом состоянии Блаженный Августин произнес свое знаменитое: «Люби Бога и делай что хочешь». Учитель адвайты Пападжи так это описал: «Ты есть то Внутреннее, что ни внутри, ни снаружи. Ум без опоры – Внутреннее, и Внутреннее – это отсутствие стен» [14, с. 8]. А индийский гуру Рамеш Балсекар сказал так: «Конечное понимание заключается не только в том, что мир нереален, но и в том, что мир одновременно реален» [1]. Тем же самым заканчивается и дзенская притча. «Но когда он действительно достиг обители покоя, горы снова стали горами и воды водами». То есть все становится реальным только после того, как ты перестаешь за него цепляться, контролировать, захватывать. Теперь ты позволяешь всему просто быть.

Вот как я описал бы три этапа духовного пути, отталкиваясь от дзенских и индийских примеров.

Полагать, что ты лучше других, – значит решить, что левая половина твоего языка лучше правой. Такова Обычная Двойственность, путь *невежества*. Вспомним притчу о мытаре и фарисее. Фарисей провел черту между собой и другими, назвав этих других «грабителями», «обидчиками» и «прелюбодеями», включая сборщика податей или, выражаясь современным языком, – налогового инспектора, который молился с ним в одном храме. Мытарь же не судил и не рядил, не навешивал ярлыков. Он обращался к Богу за помощью, расписываясь в своем полном бессилии. «...ударя себя в грудь, говорил: Боже! Будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18:13). Заканчивается притча такими словами Иисуса: «Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14). Вот поче-

му, когда ты берешься судить других, для тебя было бы лучше считать, что других не существует: везде только ты. Ты – и фарисей, и мытарь. Пусть эта истина относительна, но стоит пережить ее как абсолютную. Ведь Божья любовь равно проливается и на святого, и на грешника. Мы все Его дети.

Не существует других, не существует и тебя самого. Режиссер Александр Митта поделился своим наблюдением: «Я слышал разговор матери с трехлетним сыном: “Чего ты орешь? Ты никто. Молчи!” “Нет, я кто! Нет, я кто!” – кричал мальчик. Мы все хотим быть “кем-то”, – подытожил Митта. – Мы хотим отличаться от других» [7, с. 67]. Все правильно. «Меня нет» – истина относительная, но и ее стоит пережить как абсолютную. И мы уже способны на это, ведь нам не три года. Хотя, если самый близкий человек скажет нам в раннем детстве: «Молчи! Ты никто», то тогда мы, конечно, будем самоутверждаться лет до 50. Нет других, нет тебя. А кто же тогда есть? Кто чувствует вкус граната? Задавать этот вопрос желательно так, чтобы войти через него в «обитель покоя». И покой на некоторое время станет ответом на все вопросы. На этом завершается состояние Просветленной Двойственности, пути *исключения* – «я есть ничто». Однако подобная абстракция, как и любая абстракция не есть подлинное знание.

Укрепившись в состоянии покоя, можно и даже нужно снова обнаружить самого себя, но этот новый ты уже не наломает дров. От него никто не пострадает. Пребывая в глубоком покое, можно и нужно обнаружить других. Других людей, другие культуры, другие религии. И тогда другие перестанут быть адом для тебя. И не только Другие, ты сам перестанешь быть адом для себя. И тогда можно снова перейти к оценкам и суждениям, которые окажутся проявлением сострадания. Именно это Спайра называет Воплощенным Просветлением или путем *включения* – «я есть это».

Когда я пересматриваю телепередачи с Померанцем, я понимаю, что его внутреннее состояние невозможно перепутать с внутренним состоянием других участников разговора. Он есть *это*. Это он, а не кто-то другой. И неважно – перед ним большая аудитория или один собеседник. Всегда он держался очень независимо, с большим достоинством, но без всякой позы. Интеллектуальная фанаберия была ему абсолютно чужда. Он говорил просто, ясно. Он был открыт. Он никогда не повышал внутреннего голоса, да и во внешних проявлениях

был чрезвычайно скромн. Его суждения и оценки могли не совпадать с мнением большинства, часто шли вразрез с официальной доктриной той или иной конфессии, но к нему все прислушивались и как-то внутренне затихали. Происходило это потому, что он действительно достиг «обители покоя».

То же самое относится и к Миркиной. Русский поэт-сатирик еврейского происхождения Аминад Шполянский остроумно заметил: «Ничто так не мешает видеть, как точка зрения» [18]. Так вот, в состоянии Воплощенного Просветления человек по-прежнему имеет точку зрения, но она уже не застилает взгляд. Можно по-разному относиться к статьям Зинаиды Александровны, посвященным украинскому вопросу, но если ты не чувствуешь с какой болью и любовью они написаны, то значит, у тебя есть та самая точка зрения, которая превращает тебя в слепца. Миркина писала в Донецк своей духовной дочери: «У меня нет моей правоты. У меня правота Божья. И я вижу, что Бог кричит. И Бог плачет». Она не думала о том, как будут восприниматься ее слова «У меня правота Божья», потому что она чувствовала боль обеих сторон, боль каждого.

Из книги «Великие религии мира» я взял только одну притчу, притчу Циньюаня, и комментарий наших мудрецов к ней. Дальше тема этапов духовного пути развивалась сама.

Строительные леса наших слов и представлений ветшают, их нужно латать. Ничто так не нуждается в переводе на новый язык, как многовековая духовная традиция.

Когда мы читали вслух Зинаиде Александровне немецкого мистика XIV в. Иоганна Таулера, она светилась, и все-таки со вздохом отмечала, что об этом можно было бы сказать и проще, что по умолчанию означало – языком сегодняшнего дня.

Приведу высказывания людей, находящихся в состоянии Воплощенного Просветления, тех, на кого снизошла благодать Божья.

Георгия Чистякова на одной из лекций спросили, как относиться к Альберту Швейцеру? Вроде бы человек хороший, но вот признавал ли он воскресение Христа? И отец Георгий, редко повышавший голос, почти со страстью ответил: «Верил во Христа Альберт Швейцер или не верил? Признавал он, что Христос воскрес или не признавал? Ну, боже мой! Ну как совести хватает у людей, признавал, что Христос воскрес или не признавал этот человек, который бросив блестящую

свою карьеру в Европе, уехал в Африке лечить негров. Он своей жизнью проповедовал, что Христос воскрес из мертвых, а не какими-то постными проповедями. Понимаете, его жизнь настолько была пронизана подвигом, что уже слов в этой жизни было не нужно. И когда девяноста лет от роду человек не покидал очень вредную по климату для него Африку и продолжал заниматься бесплатным лечением своих негров, создавая все новые и новые центры, неужели вопрос такой вообще встает – верил он в Христово воскресение и бессмертие или не верил. Да боже мой, конечно, он верил в тысячу раз сильнее, чем любой из нас, потому что у нас кишка тонка!» [16].

А вот фрагмент из лекций Чистякова, но уже в другом эмоциональном регистре: «Воскресение Христово это не та вещь, о которой можно узнать извне. О нем можно узнать только изнутри. Вот когда нас эта радость о воскресшем начинает изнутри переполнять, это значит, что мы христиане» [16]. И как же эти слова перекликаются с тем, что писала Зинаида Александровна. Приведу цитату из ее письма Максиму Орлову: «Моя душа, всякая душа, может и должна узнать Христа. Это ей необходимо. Но вот каким образом Он родился, душа не может узнать изнутри. Только извне. И этого душе знать не нужно». Но кому-то же это знать нужно. Кому? Это нужно знать нашему уму, который, если прибегнуть к дзенской метафоре, представляет собою либо покрытое пылью, либо натертое до блеска зеркало. Взглянув в истину дзен, или в истину христианства, ум обнаружит, что «горы стали не горы и воды не воды». Но вот завершит ли ум свое путешествие? Вернется ли он к своему Источнику? То, что душа не может узнать изнутри, пытается узнать ум, не готовый расстаться со вторым шипом. Вспомним финал серии фильмов о Гарри Поттере. Поттер ломает бузинную палочку – символ безграничной власти, и на глазах у своих изумленных друзей Рона и Гермионы выбрасывает ее в пропасть. Именно так персонаж английской писательницы Джоан Роулинг избавляется от *второго шипа*.

Подытожим сказанное. Там, где есть *нечто*, есть двойственность. Я и где-то вне меня Бог, я и где-то вне меня мир, я и где-то вне меня другие. Таков первый этап духовного пути – двойственность, шип в ноге, страдание. Второй этап – осознание единого, второй шип, которым я удаляю первый. Я – *ничто*. Есть только Единое, и все мы являемся его аспектами. Вот только не нужно путать нигилистическое ни-

что, которое загоняет нас в тесноту бунта, в морок подполья с Божественным ничто, которое выводит нас на просторы смирения. Ведь именно там, на просторе и происходит угадывание глубинной воли нашего «внутреннего» человека, который, ступая по водам, становится человеком «внутреннейшим». Таков третий этап. Когда апостол Петр идет по воде, ему больше не нужна опора на внешнее. Идти по воде значит оказаться по ту сторону слов. Но как только ученик Христа вспоминает о себе, о своем «внешнем» человеке, то сразу начинает тонуть. Третий этап – это отбрасывание второго шипа. Нет ни *двойственности*, ни *единого*, под которым мы разумеем истинную природу вещей, ведь *единое* мы все равно понимаем как *недвойственное*, т.е. измеряем высоту Древа Жизни складным метром наших всеконечных представлений. Третий этап – это безмолвие, пустота, истина, для которой нет слов. Вторым духовным этапом завершается царство слов. В цитадели царства слов они обретают свой первоначальный смысл, но мы должны последовать за слова, туда, где нет никаких слов и никаких царств, которые мы могли бы себе вообразить. На третьем этапе духовного пути отпадает необходимость и в искусственной дисциплине. Шестой патриарх дзен учил, что не надо ни подавлять мысли, ни удерживать, ни вмешиваться в их ход. «Мысли приходят и уходят сами по себе, ибо мудрость снимает ограничения» [14]. Идея очищения ума или поисков Бога оказывается ложной. Как можно очистить то, чего не существует, и как можно найти то, чего ты никогда не терял? В поиске находится твой несуществующий, т.е. *неистинный* ум. Сердце никогда не покидало самое себя, как не может Сам Себя покинуть Бог, даже если Он и возопиет к Самому Себе: «Боже Мой, Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?» (Мк. 15:34). Вот как это выразила Миркина.

Мне бы только выйти на просторы,
Вот на тот немой кремнистый путь,
Над собой почуять звездный шорох,
За свои пределы заглянуть.
«Выхожу один я на дорогу!» –
Только это в жизни надо мне. –
Ощутить вокруг Дыханье Бога
И остаться с Ним наедине.
Ноша неподъемная земная
По плечу ли мне, не по плечу –

Ничего я, Господи, не знаю
И от боли в страшный час кричу.
Эта боль и счастье одиночеств...
Тот, кто был до ужаса один,
На кресте воскликнул: Отче, Отче,
Что бы ни было, а я – Твой сын.

[5, с. 138]

Исповедание Символа веры с его четкими положениями может и должно обогащаться мистическим опытом. Когда Чистякова спросили, как он относится к Померанцу, отец Георгий ответил: «Он идет своим путем, но туда же». Услышав этот ответ в пересказе, Григорий Соломонович не растерялся и очень доброжелательно отреагировал: «Он тоже идет своим путем, но туда же». Вот диалог двух просветленных.

Старая сосна проповедует мудрость
И дикая птица выкрикивает истину.

В завершение мне хотелось бы коснуться вопроса весьма непростого, однако уже не раз поднимавшегося. Померанц и Миркина представляют собою единый духовный организм, и все же, одним ли путем они пришли в обитель покоя и света, или их опыт различен? Попробую на него ответить.

Если на втором этапе духовного пути заповедь перестает быть внешним предписанием и становится содержанием внутренней жизни, то на третьем этапе заповедь уже ничем не отличается от внутренней жизни, как неотличим огонь от объятых пламенем и до сердцевины прогоревшего полена. Однако учение о Кратчайшем пути или доктрина Шестого патриарха не допускает никаких ступеней для роста, никаких этапов. Либо пробуждение полное и мгновенное, либо его вообще не происходит. В 19 лет Миркина увидела озаренную солнцем ель в дождевых каплях, и – пробудилась. Ее внутренние глаза увидели Бога. Таков опыт мистика. Но мистик может идти и от этапа к этапу, от ступени к ступени. Главное – отбросить второй шип, не застряв в методе постижения истины как в новой тесноте, пусть и гораздо более уважаемой. Мы были связаны невежеством, а теперь связаны методом. Движение от одной стадии к другой может быть чрезвычайно продуктивным. Рискуно предположить, что именно таким и был

путь Померанца – поэтапное вхождение в обитель света, которое завершается преодолением всякой связанности. Не лишним будет здесь упомянуть отсылку Померанца к индийскому святому Рамакришне, который говорил, что небо открывается с любой духовной ступени.

Возможна и другая ситуация, когда второй этап пути, или второй шип оформляется в отдельный путь. Он представляет собою тип религиозности, тяготеющий к догматике, при котором на передний план выходит безоговорочное следование тем или иным убеждениям. Тогда уже речь идет не столько о духовной эволюции в духе притчи Цинъюаня, сколько о разных путях освобождения. Те, кто порою оппонировали Померанцу, реже Миркиной, идут именно этим путем, путем охранительных тенденций.

Путь мистика – по преимуществу путь внезапного переворота в глубинах сознания. Учение о Кратчайшем пути – суть мистического опыта. Но есть и другой путь. Путь постепенного созревания Духа. Очищение загрязненных устоев ума происходит медленно, и здесь мы вступаем в область четких предписаний, которые могут быть вполне оправданны. Важно лишь не застрять на полдороге, дойти до конца – вот кредо Миркиной и Померанца. Если слова, которые лишь намекают на истину, станут вдруг не отличимы от истины, то тогда Бог окажется по эту сторону слов, и мы при помощи прирученных слов сотворим Его по своему образу и подобию.

Не существует ответа на вопрос, какой из двух путей лучше – путь «внезапного переворота» или долгого созревания. Я знаю только одно. Дорогу осилит идущий.

Март, 2019

Список литературы

1. *Балсекар Р.* Справочник для просветленных. – Режим доступа: https://www.e-reading.by/bookreader.php/105909/Balsekar_-_Spravochnik_dlya_Prosvetlennyh.html
2. *Бёрли Х.* Большой лес будет всегда // Звучащие смыслы: Альманах / сост. и отв. ред.: С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 690–702. – (Серия «Культурология. XX век»).
3. *Гумилёв Н.С.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1988. – 632 с.
4. *Лавский В.В.* Притчи человечества. – Ростов н/Д.: Феникс, 2012. – 571 с.
5. *Миркина З.А.* Из безмолвия. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 256 с.

6. *Миркина З.А.* Открытая дверь. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 112 с.
7. *Митта А.* Кино между адом и раем. – М.: Подкова, 1999. – 480 с.
8. *Муджи.* За пределами Сознания. Прямое осознание истины. – М.: АСТ, 2017. – 279 с.
9. *Померанц Г.С., Миркина З.А.* Великие религии мира. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. – 256 с. – (Серия «Humanitas»).
10. *Померанц Г.С.* Возникновение и становление личности: Лекция Григория Померанца, прочитанная 7 февраля 2008 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит. ру». – Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/2010/09/vozniknovenie-i-stanovlenie-lichnosti/>
11. *Померанц Г.С.* Записки гадкого утенка. – М.: Текст, 2018. – 655 с.
12. *Рам Дасс.* Полировка зеркала. Как жить из своего духовного сердца. – СПб.: Афина, 2014. – 250 с.
13. *Снайра Р.* Пепел любви. О сущности недвойственности. – М.: Ганга, 2017. – 304 с.
14. *Уотс А.* Путь Дзен: Истоки, принципы, практика. – М.: София, 2015. – 288 с.
15. *Пунджа Х.В.Л.* Истина Есть. – М.: Издательство К. Кравчука, 2002. – 688 с.
16. *Чистяков Г.* Аудиозапись лекции № 31 «Введение в Новый Завет» Г. Чистякова. – Режим доступа: <https://predanie.ru/chistyakov-georgiy-ierey/vvedenie-v-novuyu-zavet/slushat/>
17. *Шен Янь.* Четыре взгляда на дзен: Лекция Мастера Шен Яня в Великом Даосском Центре в Вашингтоне 22.11.1985. – Режим доступа: <https://zen-do.ru/texts/175-four-views>
18. *Шполянский А.* Мудрые мысли Аминада Шполянского, известного как Дон-Аминадо. – Режим доступа: <https://socratify.net/quotes/don-aminado/38031>
19. *Экхарт М.* Проповеди и рассуждения. – М.: Мусагет, 1912. – 187 с.
20. *Энтони де Мелло.* Зачем поет птица? – М.: София, 2003. – 192 с.

References

1. *Balsekar R.* Spravochnik dlya prosvetlennyh. – Rezhim dostupa: https://www.e-reading.by/bookreader.php/105909/Balsekar_-_Spravochnik_dlya_Prosvetlennyh.html
2. *Byorli H.* Bol'shoj les budet vseгда // *Zvuchashchie smysly. Al'manah / sost. i otv. red.: S. Ya. Levit, L.T. Mil'skaya.* – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. – S. 690–702. – (Seriya «Kul'turologiya. XX vek»).
3. *Gumilev N.S.* Stihotvoreniya i poemy. – L.: Sovetskii pisatel', 1988. – 632 s.
4. *Lavskij V.V.* Pritchi chelovechestva. – Rostov n/D.: Feniks, 2012. – 571 s.
5. *Mirkina Z.A.* Iz bezmolviva. – М.; СПб.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. – 256 s.
6. *Mirkina Z.A.* Otkrytaya dver'. – М.; СПб.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2019. – 112 s.
7. *Mitta A.* Kino mezhd u adom i raem. – М.: Podkova, 1999. – 480 s.

8. *Mudzhi*. Za predelami Soznaniya. Pryamoe osoznanie istiny. – M.: AST, 2017. – 279 s.
9. *Pomeranc G.S., Mirkina Z.A.* Velikie religii mira. – M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2006. – 256 s. – (Seriya «Humanitas»).
10. *Pomeranc G.S.* Vozniknovenie i stanovlenie lichnosti. Lekciya Grigoriya Pomeranca, pročitannaya 7 fevralya 2008 goda v klube – literaturnom kafe Bilingua v ramkah proekta «Publichnye lekcii Polit.ru». – Rezhim dostupa: <http://www.gazetaprotessant.ru/2010/09/vozniknovenie-i-stanovlenie-lichnosti/>
11. *Pomeranc G.S.* Zapiski gadkogo utenka. – M.: Tekst, 2018. – 655 s.
12. *Ram Dass.* Polirovka zerkala. Kak zhit' iz svoego duhovnogo serdca. – SPb.: Afina, 2014. – 250 s.
13. *Spajra R.* Pepel lyubvi. O sushchnosti nedvojstvennosti. – M.: Ganga, 2017. – 304 s.
14. *Uots A.* Put' Dzen: Istoki, principy, praktika. – M.: Sofiya, 2015. – 288 s.
15. *Pundzha H.V. L.* Istina Est'. – M.: Izdatel'stvo K, Kravchuka, 2002. – 688 s.
16. *Chistyakov G.* Audiozapis' lekcii № 31 «Vvedenie v Novyj Zavet» G. Chistyakova. – Rezhim dostupa: <https://predanie.ru/chistyakov-georgiy-ierey/vvedenie-v-novyiy-zavet/slushat/>
17. *Shen Yan'.* Chetyre vzglyada na dzen. Lekciya Mastera Shen Yanya v Velikom Daosskom Centre v Vashingtone 22.11.1985. – Rezhim dostupa: <https://zen-do.ru/texts/175-four-views>
18. *Shpolyanskij A.* – Rezhim dostupa: <https://socratify.net/quotes/don-aminado/38031>
19. *Ekhart M.* Propovedi i rassuzhdeniya. – M.: Musaget, 1912. – 187 s.
20. *Entoni de Mello.* Zachem poet ptica? – M.: Sofiya, 2003. – 192 s.